

О ТОМ, КАК ГОГОЛЯ «ПОПРАВИЛИ»

У ГОГОЛЕВСКОЙ «Женитьбы» большая и славная история на русской сцене. Пожалуй, именно поэтому старая пьеса классического репертуара сегодня требует от режиссера свежести и новизны сценического прочтения.

Однако случается, что это стремление к новизне подчас приводит к обратному результату. К сожалению, это случилось с уважаемым театром Советской Армии, выбравшим комедию Гоголя для своей новой постановки. В погоне за нешаблонностью сценической формы режиссер — дипломник ГИТИСА А. Разинкин погрешил против смысла пьесы, не выполнив своей миссии посредника между автором и зрителем.

Недоумение зрителя начинается с первых минут спектакля. Вот Подколесин зовет своего слугу Степана, и начинается известный диалог о фраке, заказанном по случаю возможных перемен в жизни героя. И сразу становится ясно, что для артистов С. С. Кулагина и А. И. Миронова несложный, но важный смысл диалога — задача второстепенная, а главное — стремление всячески обыграть комизм столкновения праздной словоохотливости барина и недовольства запятого слуги. Вниманию зрителя акцентируется не на характере Подколесина, а на мнимом конфликте собеседников.

С самого начала режиссером не был правильно определен игровой стержень спектакля. Намеренно или невольно игнорируя драматургический принцип пьесы, Разинкин поставил «Женитьбу» не как комедию характеров, а как комедию интриги. Именно поэтому перед зрителями возник лубочно разрисованный занавес, появились вставные интермедии, как видно, призванные, по замыслу режиссера, придать спектаклю ритм, зазвучала музыка, не вяжущаяся с гоголевской темой.

Главное же — определился тот усиленный нажим на обыгрывание сюжета и показную внешнюю выразительность образов без заботы об их внутреннем содержании, который следовало бы назвать дурным вкусом, если бы не было ясно, что беда — в ошибочности самого режиссерского замысла.

Пьеса потеряла свою центральную остроту. Картина нравственного распада личности поблекла и потеряла высокий накат сатирического обличения. А вместе с ней

поблекла на сцене театра Советской Армии острота комедии великого художника. Если бы режиссером руководило стремление вылить логику гоголевских характеров, то он не допустил бы в своем спектакле погрешностей, число которых столь велико, что нет и возможности их перечислить.

Во всяком случае он, верно, отказался бы от безвкусной выдумки с сентиментальным бунетиком цветов в руках несравненного Балтазара Балтазаровича, и заслуженный артист РСФСР Р. И. Ракинин, добросовестно отыгрывающий замысел постановщика, мог бы показать зрителю далеко не безобидную сущность своего героя. Возможно, что энергия и спешка Качкарева получили бы не только поверхностное решение в активной жестикуляции и беготне П. Вишнякова, но и в тщательно продуманной работе над богатым текстом роли. Возможно, что купец Стариков и тетка Агафья Тихоновны не оказались бы противопоставленными основным героям, словно Гоголь передал им пафос своего авторского обличения. Иными словами, театру удалось бы сохранить сочный гоголевский язык, был бы восстановлен в своих правах удивительный гоголевский комизм. Чтобы рассмешить, в пьесе Гоголя нет необходимости ставить героиню на голову на старой купеческой кушетке.

Подобные режиссерские фокусы бледнеют перед комизмом самого нравственного облика Агафьи Тихоновны.

Если бы актриса Н. Белобородова, удачно, хотя и несколько однообразно передающая на сцене фантастическую наивность молодой купчихи, ее страстное стремление к замужеству и забавную искренность душевных затруднений, подчеркнула бы и глупость, невежественность, тупоумную ограниченность своей героини, то ее Агафья Тихоновна органически бы вошла в подлинно гоголевский спектакль «Женитьба», каким он должен был бы быть и каким он, к сожалению, пока не стал.

К. ПОТАПОВА.

Школовская
10.VI.59